

ВСЕ МЫ БЫЛИ ДЕВЧОНКАМИ

Нас были сотни, тысячи. Мы тщательно одевались в сером утреннем свете в Бруклине, Квинсе, Нижнем Ист-Сайде, выходили из квартир с сумками, пухлыми от рукописей, и читали эти рукописи, стоя в очереди в польской булочной, греческой кулинарии, закусочной на углу или кофейне в ожидании утренней чашки кофе, некрепкого и сладкого, и дэниша, чтобы съесть его в поезде метро, где, если повезет, нам уступили бы место, чтобы мы могли продолжить читать рукописи по пути в офис в Мидтауне, Сохо или на Юнионсквер. Мы были девчонками, естественно, совсем

девчонками; сходили с поезда шестого маршрута* на Пятьдесят первой улице и шли мимо «Уолдорф-Астории» и Сигрем-билдинг на Парк-авеню, одетые одинаково в одну из вариаций на тему — отглаженная юбка и свитер, как у Сильвии Плат с фотографии из колледжа Смит. И юбку, и свитер покупали наши родители, жившие в обеспеченном пригороде, поскольку наших мизерных зарплат едва хватало, чтобы заплатить за квартиру, не говоря уж об обедах в ресторанах поблизости наших контор или ужинах в кафе даже в дешевых районах, где мы делили многоквартирные квартиры на весь этаж с такими же девчонками — ассистентками в других литературных агентствах, издательствах и реже в некоммерческих литературных организациях. Весь день мы просиживали нога на ногу на крутящихся стульях, отвечали на звонки, встречали авторов, выдерживая нужную пропорцию энтузиазма и отстраненности и ничем не выдавая правды — а правда заключалась в том, что мы пошли работать в этот бизнес не потому, что мечтали подавать воду другим писателями, а потому, что сами хотели стать писателями и работа в издательстве или литературном агентстве представлялась наиболее социально приемлемым способом достичь этой цели, хотя почти сразу становилось ясно, что это, вероятно, не лучший способ. В прошлую эпоху, как верно подмечали наши родители — а мои родители твердили

* Маршрут нью-йоркского метрополитена 6
Лексингтон-авеню Локал.

каждый день, — нас называли бы секретаршами. Как и секретаршам в эпоху наших родителей, почти никому из нас не светило повышение и буквально единицам грозило выбиться, что называется, из грязи в князи. Мы шептались о тех, кому повезло, о тех, чьи боссы разрешили им читать рукописи, вести клиентов и обучили ремеслу, о тех, кто проявил небывалую инициативу и сломал систему; и все мечтали оказаться на месте этих везунчиков, думали, что, если очень захотеть и перетерпеть годы нищенской оплаты труда, годы на побегушках у начальства, у нас получится оказаться по ту сторону, оказаться писателем, уверенно стучащимся в дверь кабинета начальника, — но захотели бы мы оказаться там после всего этого? Вот в чем вопрос.

ЗИМА

Всем нужно с чего-то начинать. Я начинала с темной комнаты с книжными шкафами от пола до потолка; бесконечные ряды книг, рассортированных по авторам, книги из всех возможных периодов двадцатого века с обложками, хранящими приметы эпохи, когда они вышли в свет, — филигранная графика 1920-х, скучный горчичный и бордовый переплет конца 1950-х, воздушные акварели 1970-х. Книги определяли мои дни и дни всех, кто работал в нашей тесной и темной кроличьей норе. Имена с книжных корешков мои коллеги произносили голосами приглушенными

и почтительными, ибо для людей из литературных кругов эти имена были богоподобными: Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Дилан Томас, Уильям Фолкнер. Но наша кроличья нора была — и остается — литературным агентством, а это значит, что имена с корешков означали кое-что еще — кое-что, что заставляло всех говорить тоном приглушенным и почтительным, кое-что, что, как мне раньше казалось, никак не связано с книгами и литературой: деньги.

ТРИ ДНЯ СНЕГОПАДА

В первый день работы в агентстве я оделась тщательно, выбрав костюм, казавшийся мне подходящим для офиса: короткая шерстяная юбка в сине-зеленую клетку и темно-зеленая водолазка, застегивающаяся на молнию на спине, модель 1960-х годов из лондонского секонд-хенда. Образ довершали плотные черные колготки и черные замшевые мокасины родом из Италии, которые купила мне мама, считавшая приличную обувь не роскошью, а необходимостью. Прежде я никогда не работала в офисе, но была актрисой и в детстве, и в колледже, и после колледжа и воспринимала этот наряд как сценический костюм. Я играла Смышленную Молодую Ассистентку, Офисную Помощницу На Все Руки.

Я, пожалуй, зря уделила так много внимания костюму, потому что ничего не знала о работе, которая ждала меня, и об агентстве, которое меня наняло. Я даже не успела осознать, что меня приняли на

работу: все произошло так быстро. За три месяца до этого я бросила аспирантуру — или получила степень магистра, если с другой стороны посмотреть, — и прилетела домой из Лондона, вернувшись в родительский дом в пригороде почти без багажа, зато с огромной коробкой книг. «Хочу писать свои стихи, а не анализировать чужие», — призналась я своему бойфренду из колледжа, позвонив ему по старинному телефону-автомату, установленному в коридоре моей общаги в Хэмпстеде. Своим родителям я в этом признаваться не стала. Им я сказала, что мне просто было одиноко в Лондоне. А они, в соответствии с принятым в нашей семье кодексом молчания, не стали расспрашивать меня о моих планах. Вместо этого мать повела меня по магазинам: в «Лорд энд Тэйлор» мы выбрали костюм из шерстяного габардина с бархатной отделкой — юбка-карандаш, приталенный жилет, как у Кэтрин Хепберн в «Ребре Адама», — и остроносые замшевые туфли на шпильке. Пока портной подкалывал мне рукава, чтобы подогнать костюм по фигуре, я поняла, что мать надеется, будто приличный костюм обеспечит мне приличное трудоустройство.

За неделю до Рождества подруга Селеста привела меня на вечеринку, где ее старая знакомая, не вдаваясь в особые подробности, рассказала, что устроилась на работу в научно-фантастическую редакцию крупного издательского концерна. «Как ты туда попала?» — спросила я. На самом деле мне не хотелось ничего знать о процессе найма, просто показалось странным, что человек с дипломом

по английской филологии, интересующийся серьезной литературой, согласился на такую работу. Вместо ответа подруга Селесты дала мне карточку.

— Это агентство по трудоустройству, — сказала она. — Через него редакторы ищут ассистентов. Надо будет — позвони.

Наутро я нехотя позвонила. Я не планировала работать в издательском бизнесе — по правде говоря, я пока ничего не планировала, — но мне нравилось верить в то, что судьба приведет меня, куда нужно, — заблуждение, которое в самом скором времени принесло мне неприятности и довлело надо мной много лет, пока я наконец от него не избавилась. Я сочла знаком свыше, что на той вечеринке оказалась в одном углу с подругой Селесты, потому что мы обе были тихонями и чувствовали себя неуютно среди шума и веселья.

— А вы можете прийти сегодня после обеда? — спросила женщина, взявшая трубку. Выговор у нее был очень благородный — не совсем британский акцент, но близко к тому.

Вскоре я, одетая в новый костюм, вручала наспех составленное резюме элегантной даме в таких же, как у меня, юбке и жакете.

— Вы только что закончили филологический? — нахмурилась она; темные прямые волосы упали на лицо.

— Да.

— Что ж... — Дама вздохнула и отложила мое резюме. — Это плюс для некоторых издателей,

а для кого-то — минус. Но мы вам что-нибудь подыщем. — Она откинулась на спинку стула. — Позвоню ближе к Новому году. Накануне Рождества никто не ищет сотрудников.

Но она позвонила раньше: я только-только успела вернуться домой.

— Есть вакансия, — выпалила она. — Не хотите работать в литературном агентстве вместо издательства?

— Запросто, — ответила я, хотя понятия не имела, что такое литературное агентство.

— Прекрасно, это очень хорошее агентство. Старое и уважаемое. Мне кажется, даже самое старое в Нью-Йорке. Ассистентка требуется агенту, который очень давно в этом бизнесе. — Дама ненадолго замолчала. — Некоторые ассистентки признавались, что работать с ней трудно, но были и те, кто ее просто обожал. А вы, кажется, хорошо ей подходите. Она хочет нанять помощницу до Рождества.

Потом я узнала, что литературная агентесса, о которой идет речь, подбирала себе помощницу уже несколько месяцев. Но в тот холодный декабрьский день я об этом не подозревала, поэтому, зажав телефонную трубку ухом, повесила свой приличный костюм в душ, чтобы пар разгладил складочки.

На следующий день, застегнутая на все пуговицы, в приличном костюме, я села на поезд до угла Пятьдесят первой и Лексингтон-авеню, перешла Парк-авеню и оказалась на Мэдисон-авеню, где меня ждала вышеупомянутая агентесса.